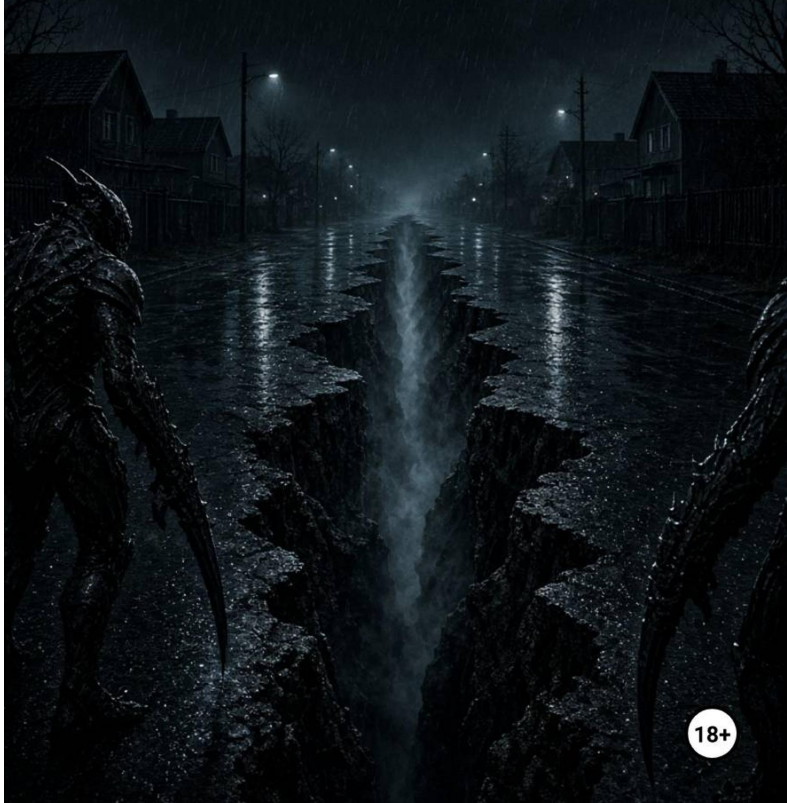

ТРЕЩИНА

18+

Gregori Madrigan

Трещина

<https://litres.ru/74397508>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычный мир — смартфоны, города, армия, учёные.

И вдруг в нескольких точках планеты почти одновременно открываются «трещины» — вертикальные разломы в пространстве. Из них идёт плотный влажный воздух с запахом озона, железа и чего-то органического. А затем наружу начинают выходить существа. Не пришельцы в привычном смысле. Биоформы из параллельного слоя Земли, где эволюция миллионы лет шла по другому пути.

Они материальны. Их можно убить. Но они быстро учатся, размножаются и адаптируются.

Бывший контрактник Артём Соколов, биолог Лена Воронцова, инженер-одиночка Максим Громов с девятилетней дочерью и случайно оказавшаяся рядом студентка Катя вынуждены держаться вместе. Первая ночь — чистый ужас. Потом — попытки понять, выжить и не потерять остатки человечности.

Пока военные хаотично «зачищают» районы, а трещины продолжают расширяться, маленькая группа делает главный выбор: не просто прятаться, а двигаться вглубь новой реальности, чтобы хотя бы попытаться понять, что происходит с миром.

Содержание

G-1 -УДАР-	4
G-2 -ПОНИМАНИЕ-	32
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Gregori Madrigan

Трещина

G-1 -УДАР-

=====

G-1. -УДАР-

=====

Артём «Арт» Соколов стоял у ворот склада на окраине Подольска и курил третью сигарету подряд. Было чуть больше шести вечера, двенадцатое августа две тысячи двадцать шестого года. Воздух был тяжёлым, влажным после дневного зноя, который держался над Подмосковьем уже вторую неделю. Асфальт ещё отдавал накопленное тепло, и от него поднималась еле заметная дымка. Смартфон в кармане рабочей куртки завибрировал. Артём достал его одной рукой, не выпуская сигарету из другой. Сообщение от бригадира: «Задержка фуры. Жди до восьми. Не уходи». Артём выругался сквозь зубы, тихо и привычно. Ещё два часа в этой дыре. Два часа ничегонеделания за минимальную ставку охранника.

Он был бывшим военным контрактником. Три года службы, из них полтора — в горячих точках, о которых предпочитал не вспоминать. Потом — частная охрана, потом этот склад. Ничего героического в его биографии не было. Про-

сто человек, который умел держать оружие, не терять голову, когда вокруг начиналась движуха, и отличать реальную угрозу от шума. Сейчас у него был пистолет «ПМ» в сейфе в бытовке, дубинка на поясе и фонарик. Больше ничего не требовалось. Пока. Мир был обычным. Смартфоны, интернет, города, армия, учёные. Никакой магии. Никаких чудес. Только работа, сигареты и ожидание, когда смена закончится.

Внутри склада стояли ряды контейнеров. Электроника, запчасти для строительной техники, что-то для дорожных работ. Артём проверял периметр по привычке, выработанной годами. Камеры работали — шесть штук по периметру и две внутри. Датчики движения тоже. Всё как всегда. Тишина, прерываемая только далёким гулом трассы и редким лаем собак из ближайшего частного сектора.

Он не знал, что в этот самый момент в трёхстах километрах севернее, в лесу под Тверью, земля внезапно разошлась.

Не взрыв. Не землетрясение. Не technogenic катастрофа. Просто вертикальный разрез длиной около двадцати метров, будто кто-то огромным, невидимым ножом разрезал реальность сверху вниз. Края разреза были ровными, но «дышали» — слегка пульсировали, как живая ткань. Из трещины пошёл плотный, влажный воздух с запахом озона, железа и чего-то органического, сладковато-гнилого, как перезревшие фрукты, оставленные на солнце. Деревья рядом качнулись, хотя ветра не было. GPS в телефоне грибника, который ока-

зался рядом, собирая белые грибы к ужину, сошёл с ума. Координаты прыгали, стрелка компаса крутилась. Радио в наушниках захрипело и выдало сплошной белый шум.

Грибник — мужчина лет пятидесяти, с рюкзаком и корзиной — стоял и смотрел. Страх пришёл не сразу. Сначала было недоумение. Он успел снять видео на телефон, хотя руки уже дрожали. Потом из трещины вылезло первое существо.

Оно было двуногим, ростом чуть больше двух метров. Тело покрыто сегментированными хитиновыми пластинами цвета мокрого асфальта после дождя. Пластины шевелились, перестраивались прямо на глазах, будто живой механизм. Передние конечности заканчивались длинными костяными лезвиями, которые существо могло выдвигать и втягивать. Оно ступило на мох одной ногой, потом другой. Движения были быстрыми, но какими-то рваными, нечеловеческими. Существо повернуло голову. У него не было глаз в привычном смысле — только тёмные углубления, которые, казалось, смотрели сразу во все стороны. Антенны или что-то похожее на них шевелились на макушке.

Грибник понял. Он бросил корзину и побежал. Корни, кочки, упавшие ветки — всё мешало. Он не успел далеко. Существо догнало его за несколько секунд. Лезвие сверкнуло. Крик оборвался. Тишина вернулась в лес, нарушаемая только влажным дыханием трещины и тихим скрежетом пластин перестраивающегося тела.

В Подмосковье всё ещё было тихо.

Артём докурил, раздавил окурок ногой о щебень и пошёл внутрь бытовки. Включил электрический чайник. Старый телевизор на тумбочке бормотал новости: что-то про выборы в одной из европейских стран, про выход нового флагманского смартфона, про аномальную жару в центральной России. Ведущая улыбалась. Ничего важного. Мир продолжал крутиться в привычном ритме.

В это же самое время Лена Воронцова сидела в палатке на окраине небольшого научного лагеря под Серпуховом. Ей было двадцать шесть. Биолог, аспирантка кафедры энтомологии МГУ. Они с группой из четырёх человек изучали популяцию редких жуков-усачей в старом заброшенном парке, который когда-то принадлежал усадьбе. Работа была скучной, кропотливой, но нужной для диссертации. Вечер. Коллеги — двое аспирантов и руководитель — уже разошлись по своим палаткам. Лена разбирала дневные образцы под светодиодной лампой, делала пометки в блокноте. Очки чуть сползли на нос. Волосы собраны в небрежный хвост.

Сначала она почувствовала запах. Резкий, металлический, с отчётливой ноткой органики — как будто кто-то открыл контейнер с химикатами и одновременно раздавил переспелую ягоду. Потом воздух стал тяжелее, будто перед сильной грозой, хотя небо было ясным. Лена вышла из палатки, поправив очки.

В двадцати метрах от лагеря, между двумя старыми дубами, пространство внезапно разошлось. Трещина была мень-

ше той, что открылась под Тверью, — метров семь-восемь в высоту и около метра в ширину в самом широком месте. Но эффект был тот же. Влажный воздух хлынул наружу. Искажение видимости. Камера на штативе, которую они оставили для автоматической съёмки ночных насекомых, начала глючить. Изображение на экране планшета плыло, пиксели прыгали, фокус терялся.

Лена стояла и смотрела. У неё был научный ум, закалённый годами работы с фактами. Страх пришёл позже. Сначала — острое, почти болезненное любопытство и мгновенное понимание, что это явление не вписывается ни в одну известную физическую или биологическую модель. Не метеорит. Не technogenic авария. Не галлюцинация.

Из трещины послышался звук. Не рык и не вой. Скорее высокий скрежет, как если бы кто-то медленно проводил ножом по стеклу или металлу. Потом вылезло существо. Меньше первого, увиденного грибником. Быстрее. Оно двигалось рывками, короткими перебежками. Хитиновые пластины на теле перестраивались на ходу, меняя конфигурацию. Лезвия на передних конечностях блестели в вечернем свете, ещё не полностью сером.

Лена медленно, стараясь не делать резких движений, отступила к палатке. Достала телефон. Связи не было. Совсем. Даже аварийного номера. Экран показывал «Нет сети». Она крикнула — не слишком громко, но достаточно, чтобы услышали в соседних палатках.

Один из коллег, парень по имени Игорь, вышел, протирая глаза. Увидел трещину. Увидел существо. Заорал — короткий, высокий звук чистого ужаса. Существо мгновенно повернуло голову в его сторону и бросилось. Движения были пугающе быстрыми.

Всё произошло за считанные секунды. Кровь брызнула на траву. Крик оборвался. Трещина продолжала «дышать» — края слегка пульсировали, воздух продолжал идти плотной волной. Второе существо уже появлялось из разлома.

Лена не стала ждать. Она бросилась к машине — старому «УАЗу», который они использовали для полевых выездов. Ключи были в кармане шорт. Завелась с третьей попытки, руки дрожали так, что едва попадали в замок зажигания. Выехала на грунтовку, поднимая столб пыли. В зеркале заднего вида она видела, как из трещины вылезает ещё одно существо, а первое уже склонилось над телом Игоря.

Сердце колотилось так, что отдавалось в ушах. Руки на руле были мокрыми. В голове крутились обрывки мыслей: параллельная эволюция? Прокол пространства? Квантовый эффект, о котором писали теоретики, но который все считали чистой спекуляцией? Она была биологом. Она понимала одно — это не пришельцы в классическом смысле. Это что-то, что развивалось здесь же, на Земле, но в другом слое реальности миллионы лет.

Максим «Макс» Громов в это время был дома, в своей двухкомнатной квартире на окраине Подольска. Тридцать

четыре года. Инженер-электрик, работал в местной сетевой компании. Отец-одиночка уже четыре года, после того как жена ушла и почти сразу пропала из их жизни. Дочь Соня, девять лет, сидела за кухонным столом и рисовала фломастерами — какой-то домик с огромным солнцем и кошкой. Макс готовил ужин — макароны с сосисками, самое простое, что можно было сделать быстро после смены. Обычный вечер. Окно было открыто, впускало тёплый воздух и далёкие звуки города.

Телефон на кухонном столе лежал экраном вниз. Вдруг он завибрировал сразу от нескольких уведомлений подряд — резко, настойчиво. Потом экран погас. Макс поднял его. Нет сигнала. Ни мобильного, ни вай-фая. Странно. Роутер на полке моргал зелёными индикаторами как обычно. Он перезагрузил телефон. Ничего не изменилось.

— Пап, телевизор не работает, — донёсся голос Сони из комнаты.

Макс зашёл. Экран был абсолютно чёрным. Он переключил каналы пультом — пустота. Проверил антенну. Подошёл к окну. На улице ещё горели фонари. Машины ехали в обычном ритме. Люди шли по тротуарам. Всё выглядело нормально. Только вдалеке, в сторону лесного массива за микрорайоном, небо казалось чуть более мутным, будто лёгкая дымка или пыль. И тишина была какая-то неправильная — слишком глубокая для вечера.

Он попытался позвонить матери, которая жила в соседнем

городе. Тишина в трубке. Даже гудков не было. Потом где-то далеко, за пределами слышимости обычных городских звуков, раздался звук. Не сирена тревоги. Скорее вой — высокий, пронзительный, ультразвуковой, от которого сразу заложило уши и закружилась голова. Соня схватилась руками за уши, фломастеры рассыпались по столу.

— Пап, что это? У меня голова болит.

Макс не знал ответа. Он только понял инстинктивно, что нужно закрыть окна и двери. И взять то, что хранилось в шкафу в прихожей — старое охотничье ружьё двенадцатого калибра, которое оставил ему отец, и коробку патронов. Он проверил, заряжено ли. Руки действовали сами, по памяти.

Катя Сидорова, девятнадцать лет, студентка первого курса педагогического колледжа, ехала на электричке из Москвы в Подольск. Она ехала к бабушке на выходные — помочь по хозяйству и просто побыть в тишине, подальше от общезития. Наушники в ушах, музыка громкая, почти на максимуме. Окно приоткрыто. Тёплый ветер трепал короткие волосы. Она смотрела в окно на мелькающие дачи и лесополосы, думая о сессии, которая ещё далеко, и о том, что бабушка напечёт пирогов.

Электричка резко, почти аварийно затормозила. Люди в вагоне вскочили с мест, кто-то упал. Катя вынула наушники. Кондуктор что-то кричал из тамбура, голос срывался. Потом свет моргнул несколько раз и погас полностью. Вагон остановился посреди перегона, между двумя станциями, в окру-

жении леса и полей.

Через минуту кто-то заорал с передних вагонов — сначала один голос, потом несколько. Катя прижалась к окну, пытаясь разглядеть. В сгущающихся сумерках она увидела движение. Несколько фигур. Быстрых. Двухногих. С чем-то блестящим и длинным вместо рук. Они двигались вдоль состава.

Одна из фигур прыгнула на крышу соседнего вагона с лёгкостью, которая не соответствовала размеру. Металл закрипел под весом. Потом раздался звук резания — резкий, высокий, как нож по жести или как болгарка по металлу. Кто-то в вагоне начал бить в двери, пытаясь их открыть. Двери заклинило.

Катя схватила свой рюкзак. Внутри была бутылка воды, шоколадка, зарядка для телефона и — самое главное — старое охотничье ружьё, которое она взяла у бабушки «на всякий случай». Бабушка жила далеко от города, иногда водились бродячие собаки, и дед когда-то учил Катю стрелять по банкам и бутылкам. Патроны были в боковом кармане рюкзака. Она никогда не стреляла по живым существам. Руки уже тряслись, когда она доставала ружьё.

Снаружи что-то скребло по обшивке вагона. Металл прогибался.

Артём слышал первый отчётливый крик примерно в половине седьмого. Он вышел из бытовки, прислушался. На территории склада было по-прежнему тихо. Но за забором,

в сторону жилого массива и частного сектора, кто-то орал — протяжно, срываясь на хрип. Потом раздались ещё крики. И выстрелы — редкие, одиночные.

Он достал телефон. Нет сети. Совсем. Камеры на пульте охраны показывали нормальную картинку на четырёх каналах и сплошную статику на двух. Артём открыл сейф быстрым, отработанным движением. Достал пистолет. Проверил магазин — полный. Дослал патрон в патронник. Вышел на улицу, держа оружие стволом вниз, но наготове.

Небо уже заметно темнело. Вдалеке, над лесом за микрорайоном, виднелось что-то вроде вертикальной тёмной полосы. Не дым. Не облако. Не столб пыли. Просто отсутствие нормального, привычного пространства — как будто кто-то вырезал кусок реальности и оставил чёрную дыру.

Потом он увидел первое существо своими глазами.

Оно перемахнуло через высокий забор с другой стороны улицы одним мощным, текучим движением. Движения были быстрыми, неестественными для чего-то такого размера. Хитиновые пластины на теле шевелились, перестраивались, адаптируясь к нагрузке. Лезвия на передних конечностях были выдвинуты полностью — длинные, слегка изогнутые, с зазубринами.

Артём не стал ждать и разбираться. Он выстрелил. Два раза, с короткой паузой. Пуля попала в корпус — он видел, как пластина дёрнулась. Существо дёрнулось, но не упало. Пластины сместились, закрывая рану, будто живой щит. Оно

повернуло голову в его сторону. Тёмные углубления «смотрели».

Артём отступил к бытовке, не поворачиваясь спиной. Выстрелил ещё. На этот раз попал в сустав передней конечности, туда, где пластины сходились неплотно. Существо зашаталось, лезвие на мгновение потеряло жёсткость. Тогда он понял — бить нужно в стыки. В места, где броня не сплошная.

Второе существо появилось слева, из-за угла соседнего ангара. Артём забежал внутрь бытовки, захлопнул металлическую дверь, запер на все засовы. Металл сразу же закрипел снаружи. Лезвия прорезали обшивку с пугающей лёгкостью, оставляя длинные узкие прорезы.

Он схватил рацию, которая лежала на столе. Нажал кнопку. Тишина. Потом, сквозь сильные помехи, чей-то голос, мужской, срывающийся: «...повторю всем абонентам... зафиксированы аномальные разломы... трещины... не подходите... армия выдвигается... сохраняйте...»

Связь оборвалась полностью. Рация выдала только треск.

Лена гнала машину по разбитой грунтовой дороге на предельной скорости, на какую был способен старый УАЗ. В зеркале заднего вида — пустота и пыль. Но она чувствовала всем телом, что за ней следят. Или что-то следит. Сердце колотилось так сильно, что казалось, вот-вот пробьёт рёбра. Руки на руле тряслись мелко и неотвратно. В голове крутились обрывки мыслей, теорий, воспоминаний о статьях по

теоретической биологии и физике: параллельная эволюция? Прокोल пространства-времени? Как в тех спекулятивных работах, которые все в академии считали красивым бредом?

Она доехала до ближайшего посёлка. Улицы были почти пустые. Несколько машин стояли с открытыми дверями, будто люди выскочили на бегу. Где-то вдалеке горел дом или сарай — столб чёрного дыма поднимался в уже почти тёмное небо. Запах гари смешивался с тем же озоном и железом. Лена остановилась у небольшого продуктового магазина. Дверь была открыта настежь. Внутри — разгром. Полки опрокинуты. На полу тёмные пятна, которые в свете фар выглядели как кровь. Она схватила несколько бутылок воды, упаковку консервов, бинты из аптечки на кассе. Убежала обратно в машину, не оглядываясь.

Телефон по-прежнему был мёртв. Радио ловило только треск помех и редкие обрывки фраз: «...эвакуация... данные не подтверждены... существа проявляют агрессию... жителям рекомендуется...»

Макс запер квартиру изнутри. Задвинул шкаф к двери для дополнительной защиты. Соня сидела в ванной комнате — самое безопасное место по его мнению, без окон. Он держал ружьё наготове, стоя в коридоре. За окном уже были слышны крики. Потом одиночные выстрелы. Потом тот самый вой — ультразвуковой, пронзительный, от которого тошнило и плыло в глазах, будто мир терял резкость.

Макс осторожно выглянул в узкую щель между шторами.

На улице бежали люди — кто-то с сумками, кто-то с детьми на руках. За ними, в свете фонарей, двигались тёмные фигуры. Одна из фигур остановилась посреди дороги, подняла голову. Из того, что можно было принять за горло, вырвался звук — тот самый вой. У Макса резко закружилась голова, в глазах потемнело. Он отшатнулся от окна, прижался спиной к стене.

Соня плакала тихо, почти беззвучно, сжавшись в комок на полу ванной. Он зашёл, обнял её одной рукой, второй продолжая держать ружьё.

— Мы будем в порядке. Слышишь меня? В порядке. Я с тобой. Никуда не уйду.

Он не верил своим словам. Но говорить это было нужно. Для неё. И для себя.

Катя выбралась из электрички через разбитое окно тамбура. Упала на щебень насыпи, ободрал ладони и колени. Встала, игнорируя боль. Ружьё в руках. Руки тряслись так сильно, что приклад стучал по плечу, но она взвела курок, как когда-то учил дед. Дыхание сбилось.

Одно из существ прыгнуло с крыши вагона прямо перед ней. Катя выстрелила почти в упор. Дробь попала в корпус. Существо зашипело — если этот высокий, пронзительный звук можно было назвать шипением — и отскочило в сторону. Хитиновые пластины закрыли повреждения, сместившись и наложившись друг на друга. Оно не упало. Но на секунду замешкалось.

Катя не стала ждать второго шанса. Она побежала вдоль путей в сторону города, спотыкаясь на шпалах, не оглядываясь. За спиной остались крики, скрежет металла, вой и звуки, которые она предпочитала не анализировать.

К девяти вечера Артём понял, что в одиночку долго не продержится. Склад был относительно крепким — толстые стены, металлические ворота, — но существа уже прорезали дверь бытовки в нескольких местах. Он слышал, как они ходят снаружи, иногда издавая короткие звуки, будто сигналы друг другу. Иногда один из них бил лезвием по стене, проверяя прочность.

Он вспомнил про дизельный генератор в дальнем конце склада. Добрался до него в темноте, ориентируясь на память. Включил. Свет вспыхнул в нескольких точках. Снаружи что-то заметалось — существа явно не любили яркий свет или резкие изменения.

Потом он услышал человеческий голос. Женский. Крик, полный отчаяния и ярости одновременно.

Артём выглянул в узкую бойницу, которую успел проделать в стене бытовки монтировкой. На дороге перед воротами стояла машина — тот самый УАЗ. Женщина вылезла из неё и отстреливалась из маленького гражданского пистолета. Два существа кружили вокруг неё, используя отвлекающие манёвры — одно притягивало внимание, второе заходило с фланга.

Артём распахнул ворота склада. Выкрикнул хрипло, но

громко:

— Сюда! Быстро! Ко мне!

Женщина — это была Лена Воронцова — бросилась к нему, не раздумывая. Он прикрыл её огнём, стреляя короткой очередью. Один из Резцов — так он потом, гораздо позже, назовёт этих существ — получил пулю точно в шею, в то самое место, где пластины сходились неплотно. Упал, дёрнулся несколько раз и замер. Второе существо отступило, скрывшись в темноте за соседним зданием.

Они забежали внутрь. Артём запер ворота на все возможные засовы и дополнительно подпёр металлической балкой. Лена тяжело дышала, прислонившись к стене. Глаза были широкими, зрачки расширены. На одежде и руках была кровь — не её, как он сразу понял.

— Ты кто? — спросил Артём, не опуская пистолета, но уже понимая, что угрозы от неё нет.

— Лена. Лена Воронцова. Биолог. Я была... у одной из этих дыр. Рядом с лагерем. Они не инопланетяне. Это... что-то другое. Параллельная биосфера. Я уверена.

Артём кивнул коротко. Сейчас было не до развёрнутых теорий. Важно было другое.

— Есть ещё оружие?

— Только это. И складной нож. И то, что в машине — немного еды и воды.

Он протянул ей запасной магазин к своему пистолету и второй пистолет, который держал на всякий случай.

— Стреляй в стыки между пластинами. И в шею. Туда, где броня тоньше. Они не бессмертные. Просто чёртовски живучие.

Они просидели в относительной безопасности до полуночи. Существа ходили вокруг склада, иногда бились о стены, иногда надолго затихали. Один раз прилетело что-то маленькое — размером с крупную собаку, с прозрачной, почти стекловидной мембраной вместо крыльев. Глашатай. Оно издало тот самый ультразвуковой вой. У обоих заложило уши, тошнота подкатила к горлу, мир на секунду потерял устойчивость. Артём выстрелил наугад в темноту, куда улетело существо. Оно скрылось.

Лена сидела у стены, обхватив колени руками, и смотрела на свои ладони, будто видела их впервые.

— Я видела, как они убили моих коллег. За секунды. Они умные. Не просто звери. Они координируются. Используют тактику. Отвлекают. Заходят с флангов. И эти пластины... они перестраиваются. Адаптируются прямо на ходу.

Артём молчал, чистя пистолет по привычке, хотя чистить было особо нечего. Он думал о том, сколько таких трещин открылось. И что сейчас делает армия. И есть ли вообще ещё какая-то армия в привычном смысле.

Макс с Соней добрался до подвала своего многоквартирного дома ближе к ночи. В подъезде уже были следы произошедшего — кровь на стенах и ступенях, разбитые двери квартир, чьи-то брошенные сумки. На улице продолжали

стрелять. Иногда раздавался вой Глашатаев, и тогда у всех, кто его слышал, начиналась дезориентация.

В подвале уже были и другие люди. Трое мужчин разного возраста, женщина с маленьким ребёнком на руках, пожилая пара. Все сидели молча, в полутьме, освещённой только светом фонариков и экранов телефонов, которые уже почти разрядились. Кто-то принёс несколько бутылок воды. Кто-то — пакет с хлебом и консервами.

Макс проверял портативную рацию, которую взял с работы «на всякий случай». Сначала — только помехи. Потом, сквозь треск, пробился голос:

«...всем, кто слышит этот сигнал... не приближайтесь к разломам... существа крайне враждебны... армия проводит операцию по локализации... сохраняйте спокойствие и оставайтесь в укрытиях...»

Голос оборвался. Через минуту пробился другой, более панический:

«...в Подольске и окрестностях потерян оперативный контроль... повторяю...»

Макс выключил рацию, чтобы не разрядить батарею окончательно. Обнял Соню крепче. Она уже почти не плакала — просто сидела, прижавшись к нему, и смотрела большими глазами в темноту.

Катя добралась до окраины города ближе к часу ночи. Она видела горящие машины на обочинах. Тела — некоторые целые, некоторые... нет. Существа, которые двигались стаями

по четыре-семь особей. Один раз она спряталась в густых кустах у дороги, когда мимо пробежала группа Резцов. Они двигались согласованно, почти бесшумно для своего размера. Один явно выполнял роль отвлекающего, двое заходили с флангов, остальные прикрывали. Это была тактика. Не хаотичная охота.

Катя поняла в тот момент, что имеет дело не просто с монстрами. Это были охотники. Хищники, которые умеют думать и учиться.

Она нашла заброшенный гараж на окраине частного сектора. Ворота поддались. Она заперлась изнутри, подперла чем могла. Ружьё положила рядом, патроны пересчитала. Слушала ночь — каждый шорох, каждый далёкий крик, каждый вой.

К утру следующего дня Артём и Лена решили, что нужно двигаться. Склад был хорошим временным убежищем, но запасы еды и воды были ограничены. Связи по-прежнему не было. Из окна бытовки было видно несколько столбцов дыма над городом. Где-то вдалеке периодически раздавались очереди автоматического оружия — значит, армия или кто-то ещё ещё сопротивлялся.

Лена рассказала всё, что успела увидеть и понять у трещины. Артём слушал внимательно, не перебивая.

— Значит, они из параллельного слоя Земли. Эволюция пошла по другому пути миллионы лет назад. Но они материальные. Плоть и хитин. Их можно убить. Пулями. Огнём.

Взрывчаткой. Электричеством, наверное.

— Да. Но они учатся. Очень быстро. И, судя по всему, размножаются. Я видела более мелких особей рядом с крупными. И эти Глашатаи... они работают как разведчики и арт-поддержка. Вой сбивает координацию.

Они собрали всё полезное, что было на складе: инструменты, кабели, изоляцию, еду из автомата, воду, аптечку, фонари, батарейки. Артём взял оба пистолета, все патроны и дубинку на всякий случай.

Вышли осторожно, на рассвете, когда существа, казалось, были менее активны. Утро было серым, пасмурным. Воздух всё ещё пах озоном и железом.

Недалеко от склада, на пересечении двух улиц, они наткнулись на Макса и Соню. Макс выводил дочь из подвала своего дома, когда услышал шаги. Ружьё сразу поднялось.

— Стоять! Руки видно! — крикнул он хрипло.

Артём медленно поднял руки, не опуская пистолета полностью.

— Свои. Мы не они. Люди. Я — Артём. Это Лена.

Макс увидел женщину, увидел оружие, увидел, как они держатся. Кивнул коротко, опуская ствол.

— Максим. Это моя дочь Соня. Подвал больше не безопасен. Там уже были... внутри. Ночью. Мы чудом успели.

Катя появилась почти сразу после этого. Она вышла из-за угла соседнего гаража, ружьё на плече, лицо грязное, глаза слишком взрослые для девятнадцати лет.

Четыре взрослых человека и один ребёнок. Случайно оказавшиеся в одном районе в первый день катастрофы. Они двинулись вместе, не тратя время на долгие представления. Искали более крепкое, более скрытое укрытие. Нашли старый складской комплекс подальше от жилых массивов — заброшенный ещё несколько лет назад, с толстыми бетонными стенами и подземным уровнем.

Пока шли, стараясь держаться теней и избегать открытых пространств, они видели следы произошедшего. Разрезанные, будто консервным ножом, машины. Тела. Один раз — нечто вроде гнезда из обломков асфальта, металла, костей и какой-то затвердевшей органики. В центре сидело крупное, медленное существо — помесь броненосца и растения. Корневик. Оно выпускало толстые щупальца-корни, которые проникали в трещины асфальта и бетона. Питалось. Они обошли стороной, стараясь не привлекать внимания.

К полудню второго дня они закрепились в новом убежище. Макс сразу занялся тем, что умел лучше всего, — электрикой. Нашёл старый генератор в подсобке, потратил два часа, но запустил. Появился свет. Лена начала осторожно осматривать образцы — кусок хитиновой пластины, который Артём отстрелил ещё ночью, и небольшой фрагмент, который она подобрала по дороге. Катя сидела с Соней в углу, рассказывая что-то тихим голосом — сказку или просто историю, чтобы отвлечь ребёнка от реальности.

Артём стоял на плоской крыше склада и смотрел на го-

ризонт. Там, где раньше был обычный подмосковный лес и дачные посёлки, теперь виднелись тёмные вертикальные полосы. Трещины. Их было уже несколько. И они, казалось, медленно, почти незаметно расширялись. Воздух над ними дрожал.

Он достал последнюю сигарету. Закурил, глубоко затягиваясь. Мир изменился за одну-единственную ночь. Это был не конец. Это было начало долгой, грязной, кровавой войны на выживание. И они оказались в самой гуще событий.

Лена поднялась к нему по ржавой лестнице. Встала рядом, глядя в ту же сторону.

— Я думаю, это только начало, — сказала она тихо. — Если эволюция там шла миллионы лет... там целая биосфера. Целые экосистемы. И теперь они здесь. А трещины продолжают появляться и расти.

Артём кивнул, выпуская дым.

— Тогда будем выживать. И учиться быстрее, чем они. Другого выбора нет.

Вдалеке, где-то за лесом, раздался протяжный вой Глашатая. Потом — ответный скрежет нескольких Резцов. Согласованный. Будто перекличка.

Ночь обещала быть долгой. И все последующие ночи — тоже.

Они спустились вниз, в относительную безопасность подземного уровня. Нужно было готовиться. Еда. Вода. Оборона периметра. Попытки наладить связь — если вообще по-

лучится. И информация. Любая информация о том, что происходит за пределами их маленького островка.

Первая ночь осталась позади. Впереди лежала неизвестность, полная грязи, голода, страха, тактики и редких, выстраданных маленьких побед. Без супергероев. Без избранных. Просто люди, которые пытаются не сдохнуть и сохранить хоть какую-то человечность в мире, который больше никогда не будет прежним.

Артём посмотрел на каждого из них. На Лену — с её научным взглядом, который уже сейчас искал закономерности и слабости врага. На Макса — который уже разбирал старую проводку и думал, как усилить сигнал радиации. На Катю — которая проверяла ружьё с серьёзным, сосредоточенным лицом девятнадцатилетней девчонки, за одну ночь потерявшей остатки наивности. На Соню — которая прижималась к отцу и всё ещё верила, что взрослые всё контролируют и смогут защитить.

Он не был героем. Просто человек, который умел выживать в тяжёлых условиях. Теперь этому предстояло научить и остальных. И самому научиться новому — доверять, работать в группе, думать на несколько шагов вперёд не только за себя.

За толстыми бетонными стенами склада мир продолжал рушиться. В других районах Подольска, в Москве, в Твери, в десятках других точек планеты происходило то же самое. Трещины открывались. Существ становилось боль-

ше. Они учились. Адаптировались. Армия реагировала хаотично, пытаясь зачищать районы и иногда уничтожая всех indiscriminately. Связь работала урывками. Государство пока не контролировало ситуацию.

Но здесь, в этом маленьком, случайно собранном убежище, уже формировалась группа. Неформальная. Хрупкая. Полная страхов и внутренних противоречий. Но живая. И готовая драться.

И это было главное на данный момент.

Артём затушил сигарету о бетонный парапет. Спустился вниз. Нужно было распределить обязанности. Организовать дежурства. Проверить запасы. Обсудить план на ближайшие сутки. Потому что сидеть и ждать спасения больше нельзя было. Спасения, возможно, уже не существовало в привычном смысле. Оставалось только выживание. И понимание. И, если повезёт, — маленькие победы, которые позволят прожить ещё один день.

Лена уже раскладывала на столе свои записи и образцы. Макс возился с генератором и рацией. Катя разбирала патроны и проверяла, сколько осталось. Соня тихо рисовала в блокноте, который ей дали, — теперь на рисунках появились тёмные вертикальные полосы и странные фигуры рядом с домиками.

Мир за стенами продолжал меняться. Трещины дышали. Монстры учились. А люди — эти четверо взрослых и один ребёнок — делали первый шаг от чистого ужаса к организо-

ванному сопротивлению.

Это была только первая глава их новой жизни. Впереди было ещё очень много страниц.

Артём сидел в полутьме бытовки после того, как Лена заснула тревожным сном, прислонившись к стене. Он не спал. Привычка, выработанная в армии: в первые сутки после контакта с неизвестной угрозой сон — роскошь, которую нельзя себе позволить. Он перебирал в памяти каждый момент столкновения. Как двигались существа. Как пластины реагировали на попадания. Как они координировали действия без видимых сигналов — или сигналы были на частотах, которые человеческое ухо не улавливает.

Он вспомнил свой последний контракт. Тогда всё было понятно: противник — люди. Мотивы — политические, экономические, идеологические. Здесь мотивы были другими. Биологическими. Территориальными. Эволюционными. Они не ненавидели. Они охотились и осваивали.

Лена во сне что-то пробормотала. Артём посмотрел на неё. Биолог. Умная. Уже сейчас она давала больше информации, чем все обрывки радиопереговоров. Если они выживут ближайшие дни, её знания станут одним из главных активов группы.

Он встал, тихо прошёл к бойнице. Ночь была тёмной, безлунной. Вдалеке горели отдельные очаги пожаров. Иногда вспыхивали очереди трассирующих пуль — кто-то ещё сопротивлялся. Иногда раздавался вой. Каждый раз, когда вой

достигал склада, у Артёма на несколько секунд плыло в глазах и подступала тошнота. Глашатаи работали эффективно.

Он подумал о том, что происходит в крупных городах. Москва. Питер. Другие мегаполисы. Если трещины открылись почти одновременно в нескольких точках планеты, то глобальная картина уже катастрофическая. Армия будет пытаться локализовать. Будет применять тяжёлое вооружение. Будет ошибаться и убивать своих. Государство в первые дни всегда действует с опозданием и избыточной силой.

Артём вернулся к своему месту. Проверил пистолет ещё раз. Привычка.

Тем временем Макс в подвале своего дома пытался уложить Соню. Девочка дрожала, хотя в подвале было не холодно. Он рассказывал ей тихим голосом всё, что приходило в голову: как они поедут к бабушке, когда всё закончится; как купят мороженое; как сходят в зоопарк. Ложь. Необходимая ложь.

Вокруг сидели другие выжившие. Никто не спал по-настоящему. Мужчина средних лет, представившийся Олегом, тихо сказал:

— Я видел, как они резали машину. Как консервную банку. Лезвия проходили сквозь металл будто через бумагу.

Женщина с ребёнком всхлипнула. Пожилой мужчина крепче сжал руку жены.

Макс думал о генераторах, о рациях, о том, как усилить сигнал. О том, как сделать ловушки. Электрические. Меха-

нические. Любые. Его мозг, привыкший решать технические задачи, уже переключился в режим выживания. Страх был, но поверх страха лежала холодная необходимость действовать.

Соня наконец задремала, уткнувшись лицом ему в грудь. Макс сидел неподвижно, боясь разбудить.

Катя в своём гараже не спала ни минуты. Она сидела, прислонившись спиной к холодной стене, ружьё на коленях. Каждый шорох заставлял её вскидывать оружие. Она вспоминала деда. Как он учил держать приклад. Как говорил: «Стреляй только когда уверен. И не думай потом». Легко говорить.

Она думала о бабушке. Жива ли она? Дом бабушки был дальше, ближе к лесу. Если трещины открылись и там... Катя заставила себя не думать об этом. Сейчас важно было дожить до рассвета. Потом — искать других людей. Или укрытие получше. Или и то, и другое.

Когда рассвет наконец пробил серую пелену, Катя осторожно выглянула. Улица выглядела как после войны. Но войны, в которой сражались не танки и самолёты, а что-то гораздо более личное и страшное.

Она двинулась. И именно тогда услышала голоса — мужской и женский. И увидела Артёма и Лену. И приняла решение подойти. Потому что в одиночку шансов было ещё меньше.

Когда группа собралась, когда они шли к новому убежи-

щу, Артём шёл первым. Привычка. Разведка. Оценка угроз. Лена шла рядом, периодически останавливаясь, чтобы рассмотреть следы или остатки. Макс вёл Соню за руку, другой рукой держа ружьё. Катя замыкала, постоянно оглядываясь.

Они почти не разговаривали. Говорить было опасно — звук привлекал. Но взгляды встречались. Понимание без слов уже начинало формироваться.

В новом складе первое, что сделал Макс после запуска генератора, — попытался поймать хоть какой-то сигнал. Рация выдавала помехи, но иногда пробивались обрывки. Из них складывалась картина: трещин уже десятки. В некоторых городах ситуация критическая. Армия применяет артиллерию и авиацию. Есть потери среди гражданского населения от «дружественного» огня. Международные каналы молчат или выдают противоречивую информацию.

Лена тем временем рассматривала хитин под имеющимся светом.

— Структура сложная, — говорила она вслух, больше для себя. — Сегменты соединены гибкими мембранами. Перестройка идёт за счёт мышечных или гидравлических механизмов внутри. Если попасть в мембрану или в сустав — урон будет значительнее. А шея... там, похоже, сосредоточены важные узлы.

Артём слушал и запоминал. Катя тоже. Даже Соня, сидя в углу, слушала, хотя и не всё понимала.

Так прошёл второй день. Они укрепили входы. Распреде-

лили дежурства. Собрали всё, что можно было использовать. И поняли главное: это надолго. Трещины не закроются сами. Монстры не уйдут. Мир изменился навсегда.

И их маленькая группа — один из множества островков, где люди ещё пытались оставаться людьми.

Артём, стоя на очередном дежурстве на крыше, смотрел на расширяющиеся тёмные полосы на горизонте и думал о том, что впереди. Долгая война. Грязь. Голод. Страх. Тактика. Маленькие победы. И необходимость сохранять человечность, когда вокруг всё будет толкать к обратному.

Он не знал, выживут ли они все. Но знал, что будут бороться. До конца.

Так началась их история. История трещины. История людей, которые оказались не в том месте в то самое время — и решили не сдаваться.

G-2 -ПОНИМАНИЕ-

G-2. -ПОНИМАНИЕ-

Второй день начался с серого, грязного света, который с трудом пробивался сквозь запылённые окна верхнего уровня заброшенного складского комплекса. Воздух внутри был тяжёлым — смесь старого бетона, машинного масла, ржавчины и едва уловимого кислого запаха, оставшегося от того, что здесь когда-то хранили. Генератор, который Максим Громов запустил ещё вчера ближе к вечеру, работал ровно, но с характерным металлическим пощёлкиванием, от которого временами дёргался глаз. Несколько тусклых ламп давали желтоватый свет. Этого хватало, чтобы видеть лица друг друга, не спотыкаться о разбросанные стеллажи и чувствовать себя хоть немного людьми, а не крысами в бетонной норе.

Артём Соколов стоял у главного входа. Они дополнительно укрепили его металлическими листами, сорванными с внутренних перегородок, и тяжёлыми стеллажами. Пистолет лежал на подоконнике в пределах мгновенной досягаемости. Артём почти не спал. Дежурство. Привычка. В первую ночь после контакта с неизвестной угрозой сон был роскошью, которую он себе не позволял. Теперь глаза жгло, во рту было

сухо и горько от последней сигареты, выкуренной до фильтра, а в голове всё ещё гудело от тех ультразвуковых воёв, что несколько раз доносились с улицы за ночь.

Он смотрел наружу через узкую щель между листами металла. Утро было пасмурным. Небо висело низко, серое, будто придавленное. Вдалеке, там, где раньше был обычный лесной горизонт, теперь чётко читались тёмные вертикальные полосы. Трещины. Их было уже больше, чем вчера. Они не светились. Они просто были — как раны на теле реальности, которые медленно, но неотвратно расползались.

Лена Воронцова сидела за длинным металлическим столом в дальнем углу большого помещения. Перед ней на чистой тряпке лежали аккуратно разложенные фрагменты: кусок хитиновой пластины размером с человеческую ладонь, несколько обломков более тонкой полупрозрачной мембраны и то, что осталось от сустава передней конечности Резца, подстреленного ещё в первую ночь. У неё не было нормальной лаборатории. Только складной нож, пинцет из автомобильной аптечки, увеличительное стекло, найденное в ящике со старым хламом, и её собственный мозг, который отказывался выключаться даже от усталости.

Она работала молча почти час, иногда что-то записывая в блокнот обгрызанным карандашом. Потом подняла голову. Голос был хриплым от недосыпа и пыли.

— Они не магические. Это важно понять сразу и раз и навсегда. Никакой мистики. Никакой «тёмной энергии». Это

биология. Жёсткая, чужая, очень древняя в своём эволюционном пути, но всё-таки биология. Пластины — это не броня в привычном нам смысле. Это живая ткань. Она может перераспределять плотность, смещать волокна, частично закрывать повреждения. Смотрите сюда.

Лена показала пальцем на край фрагмента. Там, где пуля прошла навывлет, хитин не просто треснул и остался повреждённым. Волокна частично сместились, «затянув» края раны, будто ткань пыталась минимизировать урон уже после попадания.

Максим Громов подошёл ближе. В руках у него была разобранная портативная рация, моток провода, несколько старых конденсаторов и кусок фольги. Глаза красные, но руки работали уверенно — привычка инженера, который всю жизнь чинил то, что ломается в самый неподходящий момент.

— Значит, обычные пули работают, но не так, как мы привыкли? Они адаптируются прямо во время боя?

— Не мгновенно, — ответила Лена. — Есть предел скорости компенсации. Если нанести достаточно серьёзных повреждений в короткий промежуток времени — особенно в стыки между пластинами и в область шеи, где, судя по всему, сосредоточены важные узлы, — система не успевает. Существо погибает. Но если дать им время, даже несколько минут... да. Они учатся. И, что хуже, я подозреваю, что информация как-то передаётся между особями. Не обязательно-

но вербально. Может, через феромоны, через звук на частотах, которые мы не слышим, через что-то ещё. Они не просто стоя. Они — система.

Катя Сидорова сидела на полу рядом с Соней. Девочка рисовала в блокноте, который ей дали вчера вечером. Раньше на страницах были домики, кошки и огромное жёлтое солнце. Теперь преобладали тёмные вертикальные полосы и странные угловатые фигуры с длинными лезвиями вместо рук. Катя иногда поправляла ей волосы или просто молча сидела рядом, опираясь спиной о холодную бетонную стену. Ей самой было девятнадцать. За последние тридцать шесть часов она стала выглядеть заметно старше. Что-то внутри сломалось в первую ночь и собралось заново — жёстче, проще, злее и намного тише.

— А эти летающие? — спросила Катя негромко. — Которые воем бьют по голове.

Лена кивнула.

— Глашатаи. Я их так назвала для себя. Сами по себе они относительно слабые. Размер с крупную собаку. Прозрачная, почти стекловидная мембрана вместо крыльев. Тело лёгкое. Но вой... это не просто звук. Это направленное акустическое воздействие. Ультразвук плюс, возможно, дополнительные частоты, которые бьют по вестибулярному аппарату и частично по нервной системе. Вызывает сильную дезориентацию, тошноту, кратковременную потерю координации и ощущение, будто пол уходит из-под ног. Идеальная

артподдержка для Резцов. Пока ты пытаешься не упасть и не выблевать завтрак, они уже режут тебе горло.

Макс хмыкнул коротко и вернулся к своему импровизированному верстаку.

— Тогда мне нужно что-то против этого войа. Обычные наушники бесполезны — частоты слишком высокие. Может, попробовать активную заглушку... или хотя бы научиться определять направление источника до того, как удар накроет полностью. И усилитель сигнала. Если мы хоть что-то поймем из внешнего мира — это уже будет больше, чем ничего.

Он работал быстро, почти жадно. Провода, старые платы, куски фольги, изолента — всё шло в дело. Макс строил не просто техническое устройство. Он строил тонкую, хрупкую ниточку надежды на то, что где-то там, за пределами их маленького бетонного пузыря, ещё существуют люди, которые контролируют ситуацию хоть в какой-то степени.

Соня подняла голову от рисунка. Голос был тихим, но отчётливым.

— Пап, а когда мы пойдём домой?

Макс на секунду замер. Руки застыли над проводами. Потом он аккуратно отложил инструмент, сел на корточки рядом с дочерью и сказал спокойно, почти буднично, тем голосом, которым родители говорят детям страшные вещи, стараясь не напугать ещё сильнее:

— Дом пока подождёт, солнышко. Здесь сейчас безопаснее. А дома... дома может быть небезопасно. Мы сначала

разберёмся, что происходит вокруг, а потом уже решим, куда двигаться. Хорошо?

Соня кивнула. В глазах стояли слёзы, но она не заплакала в голос. Дети учатся пугающе быстро, когда мир вокруг ломается на куски. Она просто снова склонилась над блоком и продолжила рисовать тёмные полосы.

Ближе к полудню Артём собрал всех (кроме Сони, которая осталась рисовать под присмотром).

— Нам нужна вылазка. Короткая. Вода, еда, батарейки, медикаменты, если найдём. Этот склад почти пустой. Ржавые банки и высохшие пакеты нас надолго не прокормят. Идём вдвоём. Катя — ты со мной. Ты хорошо держишь ружьё и не паникуешь. Лена нужна здесь — она единственная, кто хоть что-то понимает в биологии этих тварей. Макс — генератор, рация, ловушки. Соня остаётся.

Катя кивнула без лишних вопросов. Она уже не была той девчонкой из электрички с наушниками на полной громкости. Что-то внутри неё изменилось необратимо.

Они вышли через боковой технический выход, держась максимально близко к стенам и теням. Улицы выглядели хуже, чем вчера. Больше брошенных машин с открытыми дверями. Больше тёмных засохших пятен на асфальте. В одном месте они увидели явные следы Корневика — широкие, глубокие борозды в бетоне и асфальте, будто кто-то протащил толстые живые корни сквозь твёрдую поверхность. Рядом валялись обломки арматуры, куски дорожного покрытия и

странные сплавленные комки органики и металла.

До небольшого продуктового магазина на углу бывшей оживлённой улицы добрались без прямого контакта. Внутри было тихо. Слишком тихо. Артём вошёл первым, пистолет наготове, двигаясь короткими перебежками между стеллажами. Катя прикрывала вход и просматривала периметр.

Полки были частично разграблены, но не вычищены дотла. Кто-то уже здесь побывал — и либо ушёл, либо не успел забрать всё ценное. Они быстро, почти молча, набили два рюкзака: несколько упаковок воды, консервы, сухое печенье, батарейки разных типов, то, что осталось от аптечки на кассе, бинты, антисептик, упаковку обезболивающего.

Именно в этот момент раздался вой.

Он пришёл сверху и чуть сбоку — высокий, пронзительный, такой, от которого мгновенно заложило уши, поплыло в глазах и подступила тошнота. Артём присел, прижавшись спиной к металлическому стеллажу. Катя схватилась одной рукой за голову, второй продолжая держать ружьё. На несколько долгих секунд мир потерял устойчивость. Пол казался наклонным. В ушах стоял звон. Координация движений стала вязкой, будто тело внезапно оказалось в густом сиропе.

Когда вой наконец стих, снаружи уже был слышен скрежет. Не один. Несколько источников.

— Стая, — прошептал Артём едва слышно. — Минимум четыре. Возможно, пять.

Они вышли через заднюю служебную дверь магазина в тот момент, когда первые Резцы уже заходили с главной улицы. Движения были быстрыми, рваными и при этом пугающе согласованными. Один сразу бросился вперёд широкими прыжками — классическая отвлекающая роль. Двое ушли в глубокий обход по флангам. Четвёртый держался чуть позади, готовый поддержать любого из тройки. Тактика, которую Лена описала утром, работала вживую с пугающей эффективностью.

Артём стрелял коротко, экономя каждый патрон. Катя — более размашисто, дробью двенадцатого калибра. Один Резец получил попадание точно в сустав передней конечности и завалился набок, пластины на шее не успели полностью сомкнуться. Второй отскочил в сторону, но не отступил окончательно — занял позицию и ждал. Третий появился почти бесшумно с левого фланга, используя разбитый автомобиль как прикрытие.

Катя развернулась и выстрелила почти в упор. Дробь рванула тонкую мембрану между крупными пластинами. Существо издало высокий шипящий звук и отступило на несколько метров, но не убежало. Оно просто перегруппировывалось.

Они побежали. Не напрямую к складу — сначала в узкий переулок между двумя полуразрушенными зданиями, потом через дыру в бетонном заборе, потом вдоль глухой стены старого производственного цеха. Резцы не отстали сразу. Они

преследовали умно, не давая оторваться полностью, но и не бросаясь в открытую атаку, когда жертвы были наготове и сохраняли огневую дисциплину.

Только когда Артём и Катя добрались до укреплённого бокового входа склада, влетели внутрь и захлопнули тяжёлую дверь, подперев её заранее подготовленной металлической балкой, снаружи раздался ещё один короткий вой. Будто сигнал отступления. Стая ушла. Пока.

Внутри Лена уже ждала у входа. Она увидела их лица, грязь, пот, расширенные зрачки — и сразу всё поняла.

— Глашатай?

— Да. И Резцы. Работают вместе. Точно как ты описывала. Один отвлекает, двое заходят с флангов, четвёртый страхует.

Макс в это время сидел у своего импровизированного поста с наушниками на голове и рацией, обмотанной дополнительными проводами и фольгой. Лицо было сосредоточенным и одновременно усталым.

— Я поймал кое-что, — сказал он, не сразу поднимая глаза. — Обрывки. Много помех, много искажений. Но картина складывается. Трещин уже не несколько и не десяток. Их десятки. Как минимум по всей европейской части. Возможно, больше. В одном городе — не буду называть каком, чтобы не сеять лишнюю панику — ситуация заметно хуже нашей. Там Корневики уже начали строить что-то вроде постоянных структур. Большие гнёзда из мусора, обломков техники, бе-

тона и... останков. А армия... армия пока больше стреляет тяжёлым вооружением, чем реально понимает, с чем имеет дело. Есть потери среди гражданских от «дружественного» огня. Есть районы, где связь потеряна полностью.

Тишина после его слов повисла тяжёлая, плотная.

Соня подошла к отцу и молча взяла его за руку. Макс сжал её маленькие пальцы сильнее, чем собирался. Потом аккуратно ослабил хватку.

Вечером они сидели вокруг одного из тусклых фонарей, поставленного на ящик. Ели консервы холодными — сэкономили газ в найденной туристической горелке. Разговаривали мало, но разговаривали. Впервые за эти сутки — не только о тактике и угрозах.

Лена первой нарушила молчание. Она сидела, обхватив руками кружку с еле тёплой водой, и смотрела в одну точку.

— Если они адаптируются под наше оружие так быстро, значит, нам нужно меняться ещё быстрее. Не просто прятаться и отстреливаться. Изучать. Систематически. Находить слабые места. И... возможно, нам придётся смотреть в сторону самих трещин. Не для того, чтобы «закрыть» их — мы на это физически не способны. Но чтобы понять. Как они работают. Что находится внутри. Можно ли хоть как-то влиять на процесс расширения или на то, что из них выходит.

Артём кивнул медленно. Он сидел, прислонившись спиной к бетонной колонне, и чистил пистолет уже третий раз за день — привычка рук, которым нужно что-то делать.

— Прятаться вечно не получится. Это факт. Запасы кончатся. Они начнут прочёсывать район более систематически. Рано или поздно найдут это место. Или мы сами сдохнем от голода и инфекций, пока будем сидеть в четырёх стенах.

Катя смотрела в пол. Голос у неё был тихим, но твёрдым.

— А если внутри этих трещин... ещё хуже, чем снаружи?

— Скорее всего, намного хуже, — спокойно ответила Лена. — Другая гравитация. Возможно, другая плотность атмосферы. Другие температуры. Целые экосистемы, которые развивались миллионы лет отдельно от нашей. Но если мы хотим хоть какой-то реальный шанс не просто протянуть ближайшие две-три недели, а понять, что вообще происходит с миром, и, может быть, найти способ дать себе больше времени... нам придётся подойти ближе. Собрать данные. Настоящие данные. Не обрывки радиопереговоров.

Макс молчал дольше всех. Он смотрел на спящую уже Соню, укрытую его курткой в углу, подальше от сквозняков. Потом тихо, но очень отчётливо сказал:

— Соня остаётся здесь. Или в максимально безопасном месте, которое мы сможем найти. Я не поведу её к этим дырам. Ни при каких обстоятельствах. Если мы пойдём — она остаётся под надёжной защитой. Иначе я не иду.

Никто не стал спорить. Это было очевидно и не обсуждалось.

Ночь прошла относительно спокойно по меркам последних суток. Два отдалённых войа Глашатаев. Один раз что-то

очень крупное и медленное прошло вдоль дальней внешней стены склада — скорее всего, Корневик, который «кормил» металлом и бетоном. Они не высовывались и не привлекали внимания.

Артём снова взял на себя самое долгое дежурство — до самого рассвета. Он стоял у укрепленного входа и смотрел на горизонт. Тёмные вертикальные полосы трещин были заметны даже в предрассветной мгле. Они будто слегка пульсировали — медленно, почти незаметно, но неотвратно. Пространство вокруг них выглядело чуть более плотным, чуть более чужим.

Он думал о словах Лены. О понимании. О том, что монстры не магические. Что их можно убивать. Что они учатся с пугающей скоростью. И что люди, если хотят остаться людьми, а не просто биомассой для чужой эволюции, тоже должны учиться — быстрее, жёстче, без жалости к себе и без иллюзий о скором спасении.

Когда серый рассвет наконец пробил низкие облака, группа уже знала: сидеть на месте дальше нельзя. Нужно двигаться. Не бежать в панике. Не прятаться до последнего патрона. Двигаться осознанно — к одной из более крупных трещин. Собрать данные. Понять. И, возможно, найти хоть какой-то способ дать себе немного больше времени в этом новом, сломанном мире.

Соня спала, уткнувшись лицом в сложенную куртку отца. Катя молча чистила ружьё и пересчитывала оставшиеся

патроны. Лена снова склонилась над своими образцами, делая новые пометки. Макс паял что-то маленькое, сложное и очень нужное из остатков электроники, которые они нашли в одном из технических помещений.

Артём стоял у входа и смотрел наружу — на улицы, которые уже никогда не станут прежними.

Мир за толстыми бетонными стенами продолжал меняться. Трещины дышали влажным воздухом с запахом озона и железа. Монстры учились, размножались и начинали строить свои постоянные гнёзда. А люди — эти четверо взрослых и один ребёнок — делали следующий, тяжёлый шаг. От чистого, животного ужаса первой ночи — к холодному, тяжёлому, необходимому пониманию.

И это понимание во многом было страшнее, чем сам страх.

Потому что страх можно перетерпеть. А понимание требует действий. И цена этих действий ещё только начинала проявляться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.